

За советское искусство
16. VII. 58.

К 40-летию сценической деятельности
з. а. РСФСР Б. В. Шаврова

СИЛА МАСТЕРСТВА

Обаяние искусства Шаврова испытали на себе все. Оно действовало в равной мере и на тех, кто был с ним по одну сторону рамы, и на тех, кто видел его из зрительного зала. Я испытал и то, и другое.

Еще мальчишкой, приходя на галерку робким зрителем, я был захвачен чудесным даром балетного актера, умевшего оживить и индивидуализировать традиционные партии классического танцовщика. Мои первые театральные впечатления, мои ранние профессиональные вкусы, мои мечты о сцене неразрывно связаны с обликом Шаврова. Его влияние распространилось на меня гораздо раньше, чем он узнал о моем существовании. Но из этого вовсе не следует, что позднее, в пору более сознательного восприятия искусства, влияние Шаврова ослабло. Скорее напротив. Чем больше я стал задумываться о существе танца, чем больше стал понимать и уметь в нашем творчестве, тем больше мог оценить ту исключительную роль, какая принадлежит Шаврову в развитии и преобразовании мужского классического танца.

Как благодарный внимательный зритель я был увлечен изяществом, заражающей силой, цельностью каждой роли Шаврова. Как дублер и преемник многих его ролей я мог оценить тонкую продуманность, художественную последовательность, ясность трактовки и глубину, отличающие большого мастера. Как режиссер-постановщик я постиг смелую инициативу, импровизационную способность, творческую активность, создающие во время репетиций атмосферу взаимопонимания, неутомимых поисков, такого дорогого всем нам творческого беспокойства.

Для меня Шавров — целая эпоха.

Мне кажется, что и не для меня только.

Творческий путь Бориса Васильевича Шаврова с необычайной ясностью отражает в себе

Б. В. Шавров в роли командора («Лауренсия»).

сложные и противоречивые искания, пережитые балетом в течение нескольких десятилетий. Элегантный, изящный, легкий, прекрасно владеющий техникой, танцовщик, Шавров был, казалось, предназначен для ролей томных прицев и игривых кавалеров. Притягательная сила «Лебединого озера», лукавое очарование «Дон-Кихота», романтическая чистота «Жизели» во многом определялась для меня той свежестью, которую вносил в них талант Шаврова.

Но прошло сравнительно немного времени, и я увидел этого актера совсем в новом, неожиданном свете. Достаточно было первого знакомства с «Красным маком», этим первенцем советского балета, чтоб убедиться, как богата сфера мужского танцевального творчества, ограниченного прежде одним направлением. Грациозный, немного капризный и томный герой превратился на моих глазах в волевого, энергичного, словно отличного из мускулов, целеустремленного борца. Расслабленность сменилась мужеством, грация — силой, мягкость — порывом к действию. Новый герой Шаврова отличался активностью, жизнеутверждением. Он был подлинно народен. И уже в этой безусловной народности, в реальной конкретности современного характера заключались различные простыми глазами элементы новаторства.

В течение всей своей большой и богатой творческой жизни, Шавров был с теми, кто искал новое, кто относился к хореографии как к искусству большой мысли и большой правды. Всем своим отношением к нашему творчеству, всей своей неутомимой, кипучей деятельностью, всеми своими разнообразными сценическими образами Шавров доказал, как много может балетный актер, если он ставит перед собой большие задачи.

В то время, когда Борис Васильевич вместе со своей знаменитой партнершей Люком выступал преимущественно галантным кавалером, он пропитывал своих героев духом человечности и гуманности. Он внес немало нового в традиционный дуэтный танец. Может быть, не все знают сейчас, что, когда мы под аплодисменты зала подхватываем балерину после бурной двойной «рыбки» или победно несем ее на вытянутых руках, мы обязаны своим успехом Шаврову, сумевшему внести эту ликующую ноту в заключительный дуэт Китри и Базиля.

Шавров разделил все поиски советской хореографии, испытал на себе ее выдающиеся победы и некоторые неизбежные «издержки роста». Для него ничто не было трудным. Он не щадил себя, потому что любил самоотверженно не себя в искусстве, но само искусство. Он учился у циркачей их трюкам, когда на нашей сцене создавался модернизированный «Шелкунчик». И я уверен, что, несмотря на ошибки спектакля, эти уроки не прошли для актера даром. Он искал правды в заостренном гротеске, к которому прибегали постановщики «Золотого века», демонстрировал чудеса акробатической поддержки в «Ледяной деве» и завораживал таинственной улыбкой графически изящного Фокинского Арлекина.

А кто из нас уже в последнее время не восхищался такими точно скульптурно вылепленными пластическими характерами, как жесткий, надменный и трусливый Командор или коварная фея Карабос с ее бегаящими глазами рыси, мелкой вприсой походки и нелепым, но вполне правдоподобным вызывающим кокетством. Сколько ума, хорошей злости и отточенного мастерства в этих ярких законченных образах! Сколько выразительных деталей, всегда подчиненных главному замыслу, всегда нужных и смелых!

Я убежден, что каждая новая роль, каждое выступление Шаврова на сцене — это предметный урок актерского мастерства, вкуса и безупречного служения искусству.

Я благодарен Шаврову за его щедрые уроки. Люблю его как актера. Восхищаюсь его верностью любимому делу.

Для меня он больше чем танцовщик. Он поистине художник!

Константин СЕРГЕЕВ,
народный артист СССР